

ОРИЕНТАЛИЗМ

Отражение «Другого»
Российская империя и Центральная
Азия в 19 – нач. 20 вв.

Основная цель лекции: рассмотреть отражение «Другого» сквозь призму колониального опыта Российской империи в Центральной Азии в 19 – нач. 20 вв.

Специфика Российского имперского опыта

Традиция эта имела свое выраженное своеобразие, в силу различных факторов – географического, культурного, исторического. Находясь на стыке между Европой и Азией и вобрав в себя в качестве несущих обе данные парадигмы развития, выражающиеся в менталитете, особенностях жизни и т. д., имперская традиция российского пространства не могла быть свободной от прежних прекурсоров своего развития. Данные прекурсоры, прежде всего, были заложены в ее географии, истории, культуре в целом. Так называемый евразийский (соединяющий) образ жизни диктовал специфику прочтения и созидания истории.

В отличие от других колониальных держав, географические координаты Российской империи, а именно связь метрополии с колониями, не прерывались морями и океанами – они были сквозными, сплошными, переходящими друг в друга. Словно пазлы в мозаике, в ходе более чем двухсот лет, начиная с начала 18 века, когда Петр Первый официально провозгласил Российскую державу империей, новые территории присоединялись к основному полю мозаики, в непрерывном виде, как бы дополняя, но не прерывая его.

Данные пазлы одновременно словно повторяли, но уже в обратном направлении, ход истории, когда бывший гегемон занимал уже подчиненное положение. Так, например, обстояло дело с территориями, входившими ранее в состав Империи Чингизхана, включая его центральноазиатские земли (Чагатайский улус) или же Сибирь и Дальний Восток.

Именно поэтому расширение России в направлении Центральной Азии напоминало своего рода дежавю, уже виденное, сделанное, но когда-то ранее и под иным названием.

В этом, думается, состоит одна из особенностей отличия имперского опыта России от опыта других стран, таких как Британия и Франция, которые географически, культурно, исторически были разорваны самой географией пространства. Даже в случае с Францией, если следовать теории Фернана Броделя, все же пространство Средиземноморья было своеобразным образом разделено между различными культурами, входящими в него.

В случае с Российской империей часы словно поворачивали вспять и начинали отсчет времени вновь, но на все том же прежнем обширном пространстве Евразии. Поле это (географическое, культурное) практически не менялось, лишь игроки с точностью до наоборот меняли свой статус, название, роль. Бывшие победители становились побежденными. Доминирование Востока в прошлом превращалось в его подчинение в нынешнем. Если ранее Восток доминировал и технологически управлял, доводя до совершенства культуру коммуникаций, мобильности и основанного на этом управления, то в 19 столетии данная роль уже реализовывалась Западом (Россией), основываясь на новом технологическом знании.

Что касается знания научного, то оно как раз и стало, в духе Саида, основополагающим для доминирования Российской империи на своем Востоке. Словно повторяя алгоритм любого имперского знания, Россия также всегда пыталась узнать и научно представить свои территории, которыми управляла. В ходе открытия этого «другого», который для России имел свое, бессознательно важное значение (как переворот чаши песочных часов), с которым она уже имела дело ранее и который, таким образом, трансформировался в важного «другого», и происходила конверсия Востока из одного своего качества в другое.

Российская традиция изучения Востока имеет свою официальную летопись, институты. Она богата и чрезвычайно насыщена, собранные коллекции источников и документов порой превосходят мировые или же не имеют аналогов вовсе. Такие факторы, которые ранее мы отметили как географическое неразрывное пространство и поворот чашей песочных часов вспять (сверху вниз), оказали на этот процесс большое влияние.

Для России Восток был одновременно и своим, и чужим, причем, если рассматривать это сквозь призму психоаналитического дискурса о «другом», о котором мы говорили ранее, то дискурс этот постулировал, что «Другой» в основном рассматривается как часть собственного «Я». Поэтому известная фраза А. Рембо: «Я – это другой», как нельзя более точно объясняет

отношение России к своим колониям, не просто как завоевание новых территорий, но как сопряжение с ними и распространение на них части своего личного «Я». В условиях модернизации и расширения технологического поля модерна данный дискурс получал свое новое выражение, обосновывая легитимность правления, устанавливая новые связи и создавая свой Восток.

Научное знание помогало поддерживать эту легитимацию, прежде всего, в культурном плане, поскольку в случае с Российской империей Восток не только создавался вновь и происходила его конверсия из одного в другого, но он еще помогал и воссоздавать историю собственно России. Понимая «Другого», лучше понимаешь самого себя – данный постулат к истории взаимодействия России со своими колониями, в частности, в Центральной Азии, имел самое непосредственное отношение, он был необходим и важен, он помогал само утверждаться империи в своем качестве и показывал ее собственную само достаточность.

Отсюда неизбежно выступали споры и дискуссии, как сугубо интеллектуальные, так и даже политические, о собственной Российской идентичности. Кто и что есть Россия – Запад или Восток? Дискуссии между славянофилами и западниками как раз и ставили ребром данную проблему как краеугольную для определения собственной идентичности, не решив которой, сложно было продвигаться вперед в новом меняющемся мире, которым становился бурный 19 век – время кардинальных изменений в укладах жизни, ментальности, культуре.

Эти дискуссии периодически вспыхивали и позднее, особенно усиливаясь на каждом новом значимом для России витке истории.

Ввиду вышеизложенного, поэтому знание о Востоке, прежде всего, научное знание играло важную роль и несло большую смыслообразующую нагрузку в буквальном понимании этого слова. Поскольку знание формировало смыслы.

Рассмотрим особенности данного процесса формирования знаний в Российской империи 19 века, который Саид определил как классический Ориентализм.

Формирование знаний о Востоке в России Институты ориентализма

К началу XVIII в. в России уже остро ощущалась потребность в формировании специальной материальной базы и библиотеки книг и материалов на восточных языках, что было вызвано расширением связей с другими регионами Евразии, необходимостью подготовки тех, кто работал в области «сношений» России со странами Востока. Начинается собирание книг на восточных языках, предметов культа и быта стран Востока. Книги покупают и привозят дипломаты и купцы, книги дарят царскому двору послы из стран Востока.

Первым государственным учреждением, в котором были собраны книги, в том числе рукописные и старопечатные (ксилографы и литографии) на восточных языках, стала с 1714 г. Кунсткамера Петра Великого. Тогда Петр Великий основал Академию и обратил свое внимание и на изучение Востока. В его царствование положено начало коллекции китайских, монгольских и тибетских сочинений, а также ... «мухаммедданских рукописей». Неоднократно в течение всего XVIII в. двор предписывал дипломатам, торговым агентам, российским представительствам за рубежом покупать книги на восточных языках. В 1724 г., когда библиотека Кунсткамеры была соединена с Библиотекой Академии Наук, книги «на восточных языках писанные» стали частью собрания академической библиотеки.

В ноябре 1818 г. в составе Академии Наук был основан Азиатский музей (в этом году ему исполняется 200 лет!). Академия наук предполагала купить коллекцию мусульманских рукописей у французского консула в Алеппо и Триполи Ж. Л. Руссо, родственника знаменитого Жан-Жака Руссо. Это было сделано в два приема в 1819 и 1825 гг. За 51 тыс. франков было куплено 700 рукописных книг. Президент Академии наук граф Сергей Уваров представлял Министру Духовных дел и Народного просвещения доклад о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных. В помещении Кунсткамеры для специального хранения восточных рукописей и книг была выделена и отремонтирована комната. Новое подразделение академии стало именоваться

Азиатским музеем, который «был открыт всем желающим для научных занятий без всяких формальностей».

В 1849 г. появляется на французском языке журнал Азиатского музея «Азиатские заметки» (Меланж азиатик).

Азиатский музей стал единственным государственным центром хранения и изучения восточных рукописей, гарантировал их сохранность и пользование ими для научных и практических целей. Наряду с Казанским университетом он стал вторым востоковедным центром России. Так было до открытия в 1855 г. в Санкт-Петербургском университете Факультета восточных языков.

Азиатский музей обслуживал российскую и зарубежную науку как специализированное учреждение. Рукописи читали не только ученые и практики-востоковеды Санкт-Петербурга, но по существующему в то время порядку их высылали для научной работы ученым во внутренние губернии России, а также за границу.

После начала практики международных конгрессов востоковедов (первый в 1873 г. в Париже, второй, в 1874 г. в Лондоне), третий в 1876 г. прошел в Санкт-Петербурге при участии Азиатского музея.

Коллекции Азиатского музея непрерывно пополнялись, к 1917 г. он становится одним из крупнейших в мире специализированных собраний рукописной и старопечатной книги стран Востока, подлинной сокровищницей культур народов Востока.

(Императорское) Русское географическое общество

Русское географическое общество было основано по высочайшему повелению Николая I в 1845 году. В разные годы Обществом руководили представители Российского императорского дома, учёные и государственные деятели. В числе почётных членов Общества государственные, научные и общественные деятели.

Исследования связаны с именами известных путешественников, таких как Николай Алексеевич Северцов, Иван Васильевич Мушкетов, Николай Михайлович Пржевальский, Григорий Николаевич Потанин, Михаил Васильевич Певцов, Григорий Ефимович и Михаил Ефимович Грумм-Гржимайло, Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский, Владимир Афанасьевич Обручев, Пётр Кузьмич Козлов, Николай Николаевич Миклухо-Маклай, Александр Иванович Воейков, Лев Семёнович Берг и многие другие.

Экспедиции 19 – начала 20 веков

Завоевание Россией Центральной Азии, завершённое к середине 19 столетия с присоединением Хивинского ханства и Бухарского эмирата, привели к началу/продолжению накопления знаний о регионе.

Фактор «Большой игры» – противостояния между Российской и Британской империями за доминирование в большое Центральной Азии – привел к тому, что сугубо научное знание стало принимать различные измерения, прежде всего, практическое, в области военного дела.

Например, можно отметить различные экспедиции по изучению региона, одной из наиболее полных в научном плане и комплексных, выполнявших также военно-стратегические задачи, можно считать экспедиции к Аральскому морю, выполненные Яковом Ханьковым (1818– 1862) и опубликованные под названием «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями», изданная в Санкт-Петербурге в 1851 г.

Последовавшие после присоединения Центральной Азии работы включали как исторические обзоры региона, своеобразные аналитические отчеты, так и воспоминания участников завоевательных походов – работы Куропаткина А. Н. Завоевание Туркмении в 1880–1881 г. (издана в Санкт-Петербурге в 1889 г.), Сераковского Г. Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864-1865 гг., Ванюкова М. И. Опыт военного обозрения русских в Азии (СПб, 1873), Веселовского Н. И. Очерки историко-географических сведений и Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего времени (1877) и др.

Особо, конечно же, следует отметить и работы Ч. Ч. Валиханова. Его путешествия в Кашгарию и описание различных аспектов, варьирующихся от истории, антропологии, литературы, устного творчества до военного и стратегического, можно рассматривать по-разному. В области социальных и гуманитарных наук он внес существенный вклад в понимание особенностей культур народов Центральной Азии, в частности, кыргызов, уйгуров и т. д. Например, его фиксация и анализ эпоса «Манас» – это репрезентация Востока глазами самого Востока. Сама деятельность Валиханова стала ярким выражением принципа целесообразности, о котором говорил в свое время еще Маколей в британском политическом контексте – формирование элиты образованных индийцев для управления Индией. Сама жизнь Валиханова – его происхождение, образование, деятельность – вписывается в данные рамки формирования Востока. Человек своего времени, который отражал это время в полной мере, но при этом не забывал также и представлять свой собственный взгляд, взгляд восточного человека по сердцу. Поэтому его репрезентация Востока имеет несколько измерений.

История региона Центральной Азии в российской историографической имперской традиции, которая понимала связность и значение, взаимопереплетенность Центральной Азии с южно-азиатской или же Китайской культурами, состояла также в том, что сугубо научный поиск и открытия, как например, в случае с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским и другими экспедициями на Восток, были сопряжены не только с пониманием имперской значимости, но и также, как и в Европе, на примере деятельности А. Стейна, с пониманием культур Востока и проникновением в их «душу».

Высокая степень связанности между аппаратами колониального управления и научными поисками проявлялась, например, в том, что сотрудники консульств, посольств и торговых миссий России за рубежом, в частности, в Китае и Восточном Туркестане (словно бы вторя аналогичным действиям консула Британии Дж. Маккартнея), присылали полученные ими рукописи, артефакты и другие материалы в столицу и научные центры.

Данные материалы составили исключительно большую, разнообразную и богатейшую базу для исследований, проводимых учеными как непосредственно после экспедиций, так и в течение последующих десятилетий. Достаточно сказать, что объем и значение полученных материалов таково, что и спустя почти столетие, все еще актуальными остаются дешифровка, анализ, каталогизация источников.

Так, Центральноазиатская коллекция рукописей бывшего Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне – Института восточных рукописей РАН) состоит из 9 больших коллекций, составленных на основе материалов, найденных российскими консулами и сотрудниками консульств, или же учеными-исследователями. Некоторая часть из данных коллекций исследована, что называется «по горячим следам», в частности, еще в начале XX века С. Ф. Ольденбургом; некоторые рукописи (или их фрагменты) неопубликованы, а карточный каталог коллекции Н. Ф. Петровского удалось завершить, например, лишь в конце 1980-х гг.

В качестве другого примера можно привести богатейший Дуньхуанский фонд, содержащий около 19 000 (!) единиц хранения, привезенных С. Ф. Ольденбургом из своей второй экспедиции в Восточный Туркестан. Опись и составление учетных документов проводились в течение трех десятилетий (1956–1985 гг.).

То же самое можно отнести и к другим коллекциям, созданным в результате экспедиций европейских исследователей в Восточный Туркестан. В частности, работа над так называемой Турфанской коллекцией – одной из крупнейших в мире коллекций санскритских рукописей из Восточного Туркестана, в которой в пяти томах каталога описано около 2000 рукописей – продолжалась в течение 20 лет (1965–1985 гг.) под руководством немецкого исследователя Э. Вальдшмидта. В данном каталоге были зафиксированы рукописи (хотя и не все), привезенные из четырех немецких экспедиций в начале XX века.

Фото-антропологические собрания 19 века

В конце 19 века, как ранее уже отмечалось, на пике развития колониализма, в странах Европы, также и в России, Восток становился уже предметом научно-описательного

антропологического анализа, что получило выражение в виде создания различных коллекций антропологических зарисовок. Народы Центральной Азии также не стали исключением.

Русские исследователи и фотографы также формировали и такой дискурс об Oriente.

В частности, можно отметить серию фотографий, которые хранились в запасниках Санкт-Петербургского музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Данные материалы в 2009 году были опубликованы в книге «Традиционная культура казахов в собраниях Кунсткамеры» и были составлены сотрудниками отдела этнографии Центральной Азии МАЭ РАН. В ней систематизированы и собраны архивно-библиографические, экспедиционные и музейные материалы, с описанием и классификацией различных видов народного декоративно-прикладного искусства, быта и культуры казахского народа.

Данный взгляд на «Другого» выборочен и репрезентативен одновременно.

Выборочен, поскольку выбраны лишь такие аспекты жизни коренных народов, в частности, казахов, которые как бы, с одной стороны, не полностью освещают и показывают жизнь, быт, традиции. А репрезентативен, потому что представляет тот аспект ориентализма, о котором говорил Саид – в частности, трансформацию Востока из одного в другое, радикальный реализм. Когда берется некая одна черта, которая радикализируется, доводится до некоторого, на грани абсурдного, представления и подается в таком виде читателю, слушателю, участнику и т. д.

Данная односторонняя подача, кстати, прослеживается и сегодня, в том числе посредством практики новостей, не только фейковых (что само по себе есть абсурд), сколько и в, казалось бы, рядовых новостях. Из некоего общего целого выбирается часть и подается в своей оторванности от этого единого целого.

Фото-антропологический анализ, как уже ранее отмечали, проводился в том числе и европейскими учеными, которые работали в Центральной Азии. Так, например, можно отметить создание «Антропологического атласа народов Ферганы», который составил венгерский путешественник в Центральной Азии Шарль-Юджин Ужфалви (1842–1904) в 1879 году. В 1879–1884, 1887, 1896 он опубликовал серию книг по итогам своих поездок в Центральную Азию – Кохистан, Фергану, Кульджу, Сыр-Дарью, Самарканд, Гималаи.

Его фотографические портреты сродни тем, которые создал Ролан Бонапарт в 1883 году о калмыках, повторяют ту же самую сюжетную линию.

Увлечение вопросами происхождения индо-арийской группы языков, о родине ариев, о связи востока и Запада, побуждали многих исследователей и ученых искать корни процессов миграций в Азии, в частности в Центральной Азии, а также путешествовать в этот регион и воспроизводить его, в том числе, в своих фотографиях.

Таким исследователем-фотографом был и Хьюго Крафт (1853–1935), родившийся в Париже и посетивший русский Туркестан, по итогам которого он издал книгу в 1902 году.

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. В чем заключалась специфика российского имперского пространства, в Центральной Азии, в частности.
2. Охарактеризуйте основные институты ориентализма в российском имперском пространстве.

Задания для самостоятельного выполнения

1. Охарактеризуйте работу Я. Н. Ханыкова «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями», изданную в Санкт-Петербурге в 1851 г.
2. Что такое «Большая игра», осветите ее основные особенности.

Книга: **Ориентализм**

Лекция: **24. Отражение «Другого». Российская империя и Центральная Азия в 19 – нач. 20 вв.**

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
2. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. – Алма-Ата, 1984.
3. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. – СПб, 1897.
4. Козлов П. К. Экспедиция в Центральную Азию (из писем П.К. Козлова). – СПб., 1894
5. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М., 2012.
6. Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 562 p.
7. Gorshenina S., Claude Rapin. De Kaboul a Samarkande. Paris: Gallimard, 2007.